

Первая часть. КАЗЕННЫЙ ДОМ

Белая черта

Клавдия выпросила машину и укатила на Побережье. На целый месяц. То есть это Корнелий так объяснял у себя в бюро: выпросила. И все, кажется, верили. Кроме Рибалтера, конечно. Рибалтер же зацвел ехидной улыбочкой:

— Ну-ну. Похлопала тебя по животику и решила: «Лапочка, тебе полезно немножко поездить на моно-рельсе и походить пешком. А то смотри, котик, где твоя талия...» А?

Привычная пронизательность Рибалтера на сей раз почему-то всерьез разозлила Корнелия. Он бросил в коллегу пластиковым стаканом с карандашами:

— Когда-нибудь доиграешься со своим языком... Безында лысая...

Рибалтер, естественно, ржал, но в глазах мелькнула растерянность. Ругательство «безында» ему, кажется, было незнакомо. А Корнелий и сам не понял, с чего вдруг пришло на ум это бранное словечко школьных времен. Свои ученические годы старший консультант

Владислав Крапивин • Гуси-гуси, га-га-га...

рекламного бюро «Общая радость» Корнелий Глас вспоминал крайне редко. Тоски по «розовому детству» никогда не испытывал. Особенно сейчас, на сорок втором году брэнного существования и почти через четверть века после окончания славного мужского государственного колледжа в благословенном городе Руте.

А монорельс и пешие прогулки — это и в самом деле оказалось неплохо. Через неделю Корнелий стал себя чувствовать моложе и веселее. Потолкаться среди пассажиров, поболтать с попутчиками, пока вагон свистит от Центра до Южного Вала, — одно удовольствие. И дорога от станции к дому — тоже. Ходьбы всего десять минут. Путь идет вдоль заросших остатков древнего крепостного вала, мимо садов и коттеджей (обилие и веселый вид которых свидетельствуют, без сомнения, о стабильности и процветании общества).

В пятницу работу закончили к обеду, и в три часа Корнелий вышел уже из вагона.

День стоял чудесный. Безветренный, ласково-жаркий, настоящий на запахах клумбовых растений. Сады дремали. На плитках тротуара лениво шевелились круглые солнечные пятна. За изгородями журчали влагораспылители. Все было хорошо. И, даже когда из боковой аллеи на тротуар выкатились трое растрепанных загорелых пацанят, Корнелий глянул на них без обычного раздражения. Усмехнулся: «У, безынды...»

Самый маленький и тощий мальчишка, расставив руки и ноги, держался внутри широкого голубого обруча (видимо, среза пластиковой бочки), двое других толкали это колесо. Все трое весело вопили. Они про-

скочили рядом с Корнелием — пришлось посторониться. Он заметил, что один мальчишка — рыжий и щербатый. Но и это не испортило Корнелию настроения, хотя известно, что встретить щербатого и рыжего — не к добру.

Никаких, даже мелких, неприятностей не ожидалось. Наоборот! Впереди два выходных. И то, что Клавдия далеко и будет далеко еще три недели, скажем прямо, тоже неплохо. Сейчас Корнелий придет, поплещется под душем, приготовит земляничный коктейль с иголочками льда, потом повалится в гамаке на террасе и полистает «Всемирную панораму» и «Голос народа», которые достал из ящика утром, но посмотреть не успел. Затем, специально утомившись от послеобеденной жары, он опустит на окнах фильтры «лунный вечер зимой», нагонит кондиционером зябкого воздуха, закутается в плед, включит камин, откупорит бутылочку солоноватого и жгучего «Флибустьера» и сядет смотреть одиннадцатый выпуск сериала «Виль-изгнанник». Показывать будут, видимо, как Виль Горнер после своих приключений на море проник, неузнанный, в родной город, куда ему было запрещено возвращаться под страхом виселицы.

Конечно, чепуха, коммерческая лента. Но ведь смотрится, черт возьми! Как выпуск — так улицы пустеют. Видимо, недостает чего-то нашему благополучному бытию, если так тянет к экранному риску и приключениям... Впрочем, потому и тянет, что они экранные (Корнелий позволял себе иногда этакое ироническое философствование). Едва ли кто-то из восхищенных зрителей пожелал бы оказаться сам в лапах святейшего инквизитора

или в компании зловеще-галантного пиратского адмирала Луи Тубрандера. И однако же что-то шевелится в душе, когда снова несется из ящика песенка неунывающего Виля и герой очередной раз неумоимо скрещивает звенящую рапиру с дюжиной вражеских клинков.

Может, в каждом из нас, в самой глубине существа, все-таки тайно живет вот такой Виль Горнер? Может, это остатки наследственной памяти, еле слышный голос предков, для которых шпага была привычна, как фломастер для нынешних специалистов рекламного творчества? Или просто хочется «чего попроще», позанятнее? Рибалтер как-то хихикнул: «Все мы не прочь потрепаться о Гамлете, а кино предпочитаем про Робин Гуда...»

Ну и что? Чем он плох, Робин Гуд-то?

Все знают, как делается «видяшка», и все же, когда смотришь, начинаешь верить понемногу, что были славные времена. Такие, когда честное слово было нерушимым, друзья — железными, любовь — горячей и вечной, а смысл жизни состоял в риске и поисках приключений.

Особенно хорошо смотреть и верить, когда сидишь у камина с «Флибустьером» и знаешь — никто не закричит из соседней комнаты: «Лапочка, ты не хочешь помочь мне наладить соковыжималку?!» Никто не усядется напротив и не станет допытываться: «Котик, это и есть Виль Горнер? Но ведь в прошлой серии его играл, кажется, Рене Хмель, а это Рэм Соната!» (И сдерживаешь себя до такой степени, что цветная голограмма экрана делается плоской и черно-белой.)

Но сегодня Корнелию ничто не помешает насладиться двухчасовой серией «Изгнанника». Погонями, дуэлями и прочими элементами зрелища, достойного мужчин.

*Господа, мы пришли не на танцы!
Будем краткими — время бежит.
Секунданты, разметьте дистанцию
И покрепче забейте пыжи!
Ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля!
Ля! Ля! Ля!*

С этой бодрой и, безусловно, достойной мужчины кинемелодией Корнелий и приблизился к дому.

В двадцати шагах от решетчато-бетонной зеленой изгороди он вскинул над плечом ладонь. Со стороны могло показаться, что это какой-то ритуальный жест. Словно хозяин приветствует свое жилище (и вправду — полностью свое: полтора месяца назад господин Глас выплатил последний взнос за коттедж, участок и гараж!). Но на самом деле Корнелий просто освобождал из манжета и поворачивал к калитке запястье — чтобы уловитель-привратник издали поймал излучение индекса.

Электроника сработала, как всегда, без отказа, глухая калитка с шорохом отошла. И Корнелий Глас неторопливо ступил на свою суверенную территорию. Ласково голубели среди плюща идеально чистые стекла. Цвел шиповник. Над подстриженным газоном искрился миниатюрный фонтан.

Владислав Крапивин • Гуси-гуси, га-га-га...

Корнелий мельком, через плечо, глянул на почтовый ящик. Просто так, зная, что там пусто. Газеты и журналы пришли утром, а писем ждать было не от кого. Клавдия, если и вспомнит, писать не станет — позвонит. Дочь Алла тоже предпочитает телефон: регулярно дает о себе знать раз в месяц...

Тем не менее за решетчатым оконцем ящика светле- ла бумага. Корнелий остановился. Тупым, несильным коготком царапнуло беспокойство. Бумага была желто- вато-серая, казенная. На такой печатались квитанции, счета, извещения. На таком же листке была оттиснута повестка на сборы муниципальной милиции, которые Корнелий Глас «оттрубил» последний раз два года на- зад.

Что? Неужели опять? Полтора месяца казармы под начальством какого-нибудь кретина из корпуса уланов! Вроде старшего штатт-капрала Дуго Лобмана. Как он, скотина, тешил свою солдафонскую душу, измываясь над «господами интеллигентами»!

Да ну, чепуха! После сорока уже не призывают... Не- бось какой-нибудь бюллетень муниципалитета...

Успокоив себя, Корнелий дернул дверцу. Дернул все- таки нервно. Листок скользнул мимо пальцев, упал на серую замшу башмака. Бумага была склеена вдвое. Еще не нагнувшись, Корнелий прочитал единственное жир- ное слово:

ПРЕДПИСАНИЕ

Присев, он разорвал ленточку. И, медленно выпрям- ляясь, стал читать...

Первая часть. КАЗЕННЫЙ ДОМ ◦ Белая черта

«Г-ну Корнелию Гласу из Руты... № 43-тр... С прискорбием извещаем Вас, что в связи с нарушением общественного порядка (неправильный переход улицы 12 марта с. г.) Вы были внесены в штрафной список по графе 1/1 000 000 и 8 августа с. г. Машина юридической службы «ЮМ-3» при розыгрыше номеров данного списка указала Ваш индекс УМФ-Х 111344...»

Господи, что за чушь!

Такого не бывает...

Но ведь написано!

Слабея, он прислонился к бетонному столбу калитки.

Да нет, ерунда... Здесь что-то не то. Путаница чья-то...

Листок трепыхался в пальцах, как от ветра. В казенных бумагах не бывает ошибок... Но почему это именно с ним?! С какой стати?!

«...На основании данного выбора Машины, Вы являетесь виновным в совершенном нарушении и подлежите смертной казни, производимой в административном порядке...»

Святые Хранители, да что это такое!..

Ну, в самом деле был случай. Он торопился на вечеринку к Рибалтеру и перебежал улицу Короля Наттона (абсолютно пустую!) чуть в стороне от светофора. И какой-то постовой улан-новобранец, коротышка с надутой от важности рожей, засвистел, замахал светящейся палкой. Нацелил, идиот, уловитель индекса.

Владислав Крапивин • Гуси-гуси, га-га-га...

— Господин, задержитесь, вы нарушили!.. Ага, вот ваш индекс, зафиксируем... Получаете, сударь, шансик из миллиона. Не много на первый раз, но советую впредь быть осторожнее. Честь имею...

Корнелий с деланым сокрушением развел руками. И он, и улан прекрасно понимали, что такое на практике миллионный шанс. Не в пример вероятнее казалась гибель от прямого попадания метеорита или редчайшей болезни «африканский волос». О происшествии на перекрестке Корнелий весело рассказал на вечеринке, и все посмеялись. У некоторых было по несколько включений в штрафные списки, и не только в миллионные. Специалист по торговому дизайну Виктор Буга, например, недавно влетел в «сотку» — за то, что на своем «Флюгшифе» наехал на цоколь памятника премьеру Крону. Ну и что — один шанс из ста! Пронесло, разумеется...

Кто-то, зевнув, сказал:

— Все это чепуха. Миллионные списки вообще не рассматриваются. Сколько времени надо, чтобы набрать миллион нарушителей, составить программу...

Знатоки юридических тонкостей возразили, что делается это не так. Просто на диск с миллионом пустых ячеек вносятся врасыпную индексы тех, кто попал в нарушители за последние полгода. А потом лазерный искатель бежит по диску и наугад останавливается на одной из ячеек. Чаще всего, разумеется, на пустой. Лишь несносный Рибалтер похлопал Корнелия по плечу и сказал, что теперь тому будет сниться этот искатель в виде костлявого пальца, который шарит по списку, выискивая индекс человека по фамилии Глас. Корнелия на

миг пробрало холодком. Он обругал Рибалтера, трахнул полстакана коньяку и больше о «костлявом искателе» никогда не вспоминал...

И вот...

Да нет же, нет! Наверно, он что-то не понял! Тут не так написано, не про то! И вообще это сон...

«Для вышеупомянутой процедуры Вам надлежит 14 августа с. г. к 10 часам утра явиться в муниципальную тюрьму г. Реттерберга. Перед явкой необходимо принять ванну, побриться, надеть чистое белье. Провожаящим Вас лицам не следует пересекать белую черту, нанесенную на дорожном покрытии в 100 метрах от тюремной зоны.

Урна с Вашим прахом будет доставлена членам Вашей семьи или другим лицам (по указанию) на дом в трехдневный после акции срок. Если Вы одиноки, погребение будет осуществлено в городском колумбарии общего типа за счет муниципалитета...»

Я! Не! Хо-чу!

Корнелий, раздирая тонкий тетраклон пиджака, спиной сполз по столбу калитки. Сел в траву. Ноги остро согнулись. На обтянутое брючиной колено села желтая бабочка.

— Я не хочу, — убедительно сказал ей Корнелий. Потом заорал: — Пошла!!

Дернулся, чтобы вскочить, но опять мгновенно ослаб. Затем вспыхнула ослепительная надежда (почти

Владислав Крапивин ◦ Гуси-гуси, га-га-га...

уверенность!), что на листке — совсем не то! Весь этот ужас ему просто показался!

Он вскинул бумагу к лицу.

«...Право наследования автоматически передается ближайшим родственникам, причем распределение имущества между ними производится юридической Машинкой в соответствии с существующим законодательством. Если Вы не имеете родственников, можете распорядиться имуществом при Вашей регистрации по прибытии в муниципальную тюрьму.

Муниципалитет предупреждает Вас, что при неявке в тюрьму и попытке уклониться от предписанной акции Вы будете доставлены под конвоем и подвергнуты казни по уголовному разряду в соответствии со статьей 100/3 действующего законодательства. В этом случае Ваше имущество подлежит конфискации и родственники лишаются права наследования».

И все. Больше ни слова. Ни лазейки, ни крошечной щелочки для надежды. Никакой зацепочки. Фиолетовая печать юридического отдела муниципалитета, витиеватый росчерк делопроизводителя.

Но не может же быть, чтобы все это вправду... А, вот в чем дело! Это не ему! Почта перепутала ящик!

Корнелий метнулся глазами к началу «Предписания».

«Г-ну Корнелию Гласу из Руты... С прискорбием извещаем Вас, что...»

Желтая бабочка все кружилась неподалеку, и Корнелий всем нутром своим ощутил, насколько же она

счастливее его... В школе учили, кажется, что бабочки живут совсем недолго. И все-таки эта будет, наверно, еще летать, когда его, Корнелия, уже...

«О-о-о-о...» — тяжкий, выматывающий, все заглушающий страх рухнул вязким грузом. Корнелий упал ничком. Тут же стал на четвереньки, и его стошнило.

С минуту он стоял так, поматывая головой... и чувствуя, что становится легче. Спокойнее как-то.

Опасливо прислушиваясь к себе, Корнелий медленно встал. Страх и правда ослабел. Но Корнелий был уже совсем другой. И другими глазами смотрел на все вокруг...

Загребая башмаками траву, он пошел в дом. Двери из рифленого стекла, как всегда, предупредительно разошлись. Корнелий удивленно и горестно замер на крыльце. Как? Разве он еще хозяин здесь? И этот светло-серый дом с террасой, с высокой финской крышей под искусственной оранжевой черепицей — его? И электроника по-прежнему послушна ему?

Ах да! Ведь в тюрьму для «вышеупомянутой процедуры» ему надо идти только завтра. А сегодня... Да! Сегодня (ха-ха-ха!) он, Корнелий Глас, еще полноценный и полноправный член общества. Индекс его не заблокирован. Можно собрать сослуживцев с Рибалтером во главе и, не заботясь о сбережениях (на последний вечер хватит!), устроить в шикарном подвале «Под зеленой башней» прощальный пир. Или, наоборот, в одиночку отправиться бродить по улицам, заходя в кафе, в киноавтоматы, присаживаясь у стоек открытых баров и вообще «срывая цветы удовольствия» вечернего города...

Владислав Крапивин • Гуси-гуси, га-га-га...

Корнелий, медленно переставляя ноги, вошел в гостиную и упал вниз лицом на диван, который глубоко подался под ним ласковой пушистой мягкостью. Как любил Корнелий бухаться на этот диван, приходя с работы! Раньше...

Он лежал, зарываясь лицом в шелковистую шкуру обивки, а мысли бежали без перерыва, сами по себе.

Да, сегодня он все может. Будто и нет на нем смертного клейма! Может развлекаться, шуметь, смотреть «Виля-изгнанника», трепаться по телефону, делать коктейли, взять напрокат машину и поехать на пляжи Лунного озера. Одного не может «г-н Корнелий Глас из Руты» — сбежать, исчезнуть, спастись. Если завтра в десять часов утра он не отдаст себя в руки исполнителей закона, по всей стране включатся могучие «уши». Вездесущие локаторы юридической службы. У них уловители индексов — не то что у калитки или, скажем, кассовых автоматов. «Уши» чуют излучение за много миль. И корпус уланов — постоянно на страже, эти ребята свое дело знают.

Да и куда бежать? За границу? Но пограничным постам наверняка известны заранее индексы тех, кого не следует выпускать из самого счастливого на планете государства.

...О, индексы! Величайшее изобретение, положившее начало эре стабильности!

Сперва были просто браслеты с излучателями. Хочешь — носи, хочешь — сними и спрячь. Потом браслеты стали обязательными. И никто не возражал, кро-

ме небольших групп экстремистов, привычно вопящих о свободе личности (такие находятся во все времена во всякой стране, когда речь заходит о всеобщем благе). А лет за тридцать до рождения Корнелия Гласа вместо браслетов была введена всеобщая индексикация. Новорожденному вводили в левое запястье раствор стимулятора. Эта чудесная жидкость (о ней первое время даже поэмы писали!) вступала в контакт с организмом и вызывала постоянное биоизлучение. Причем характеристика излучения у каждого человека была неповторима, как рисунок на коже пальцев.

«Борцы за свободу личности» опять подняли крик, и, уступая им, демократическое правительство объявило, что каждая семья сама вправе решать: делать ребенку индексикацию или снабдить его браслетом. Но вскоре об этом решении просто-напросто забыли. Родителей, не согласных с индексикацией, было столь ничтожное число, что не стоило их принимать во внимание. А со временем они перевелись вообще.

Да и какой нормальный человек станет спорить с собственным счастьем и счастьем детей? Индекс — это основа жизни. Это сумма изначального обеспечения и государственной страховки, положенная тебе от рождения. Это постоянный медицинский контроль. Это ненужность всяких документов. У каждого носителя индекса есть в Центральном государственном информатории персональный диск, на котором записано об этом человеке абсолютно все: от группы крови и оценок за каждый класс школы до любимого блюда и уровня контактности с окружающими.